



*ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО
ХУДОЖНИКА
Т.Ф. ЧАУМЕЧИКО*



1924 – 2007

*издание второе,
к 85-летию со дня рождения*



Ясена Чирко

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие автора и составителя</i>	<i>.....2</i>
<i>Предисловие ко второму изданию</i>	<i>.....3</i>
<i>Краткая биография</i>	<i>.....6</i>
<i>Биография в портретах</i>	<i>.....11</i>
<i>Личные воспоминания</i>	<i>.....17</i>
<i>Мемуары его друзей</i>	<i>.....25</i>
<i>Времена года</i>	<i>.....47</i>
<i>Осень</i>	<i>.....47</i>
<i>Зима</i>	<i>.....56</i>
<i>Весна</i>	<i>.....68</i>
<i>Лето</i>	<i>.....77</i>
<i>Цветы</i>	<i>.....95</i>
<i>Разное</i>	<i>.....99</i>
<i>Приложения</i>	<i>.....108</i>
<i>Выставки</i>	<i>.....113</i>
<i>Эпитафия</i>	<i>.....115</i>

Предисловие автора и составителя

В ночь с 5-го на 6-е августа 2007 года ушел из жизни замечательный художник, прекрасный человек и мой дедушка, Григорий Филиппович Науменко. Как часто происходит, только потеряв нечто, мы осознаем ценность утраченного... Обычно так говорят о здоровье, но эта мудрость верна и в отношении людей. Сколь часто мы недостаточно внимательно улавливаем движения души близких и лишь спустя некоторое время исправляемся. Во исполнение долга памяти и в продолжение любви я предоставляю читателю этот труд.

Хочу надеяться, что творческое наследие деда, накопленное за десятилетия его долгой жизни, извинит мою нескромность — ведь я должен иметь основание для превращения личного в общественное. Львиную долю данного жизнеописания составляют репродукции картин и этюдов деда, разделенные по категориям соответственно временам года. По моему непросвещенному мнению, это может оказаться полезным для будущих поколений пейзажистов; в частности, служить подсказкой для сюжетов их картин.

Помню, как несколько раз дед говорил о понравившихся мне картинах: "Таких цветов в природе не бывает". Поэтому, продолжая эту реалистическую линию, я не стану что-либо специально приукрашивать. С другой стороны, не стоит впадать в крайность "фотографии" — та точно отражает детали, но искусство ли это, обесценивающее живопись? Поэтому читатель вполне меня поймет, если я о чем-то умолчу. Моя же цель состоит в том, чтобы представить вам живого человека.

Заранее прошу извинения за качество репродукций. Большинство из них были получены мною при цифровой фотосъемке картин, причем без использования вспышки, в разных условиях освещения и расположения камеры. Все это составило затруднения (а я не профессиональный фо-

тограф) — получилось то, что получилось. Мне хочется отдельно поблагодарить Калгашкина А.С. и краеведческий музей г. Зеленоград в лице Визбул Т.В. и Алфёровой А.М., давших разрешение на фотосъемку их коллекций. Также благодарю администрацию Московского областного колледжа искусств и сотрудников Выставочного зала "Зеленоград" за предоставленные материалы. Некоторые полотна находятся в зеленоградской квартире деда; в доступе к ним мне было отказано. И это только часть всего того, что написал мой дед — остальное находится в частных руках многих и многих покупателей.

Всем тем, кто откликнулся на мой призыв оставить свои мемуары, выражаю свою глубокую признательность — ведь даже родным известны не все детали жизни. Спасибо им еще раз за уважение к памяти моего деда!

Электронная версия книги и другие материалы находятся на сайте: <http://grnaumenko.narod.ru>

*Матюшкин И.В.,
Январь 2008,
Химки — Левый берег*

Предисловие ко второму изданию

Небольшой тираж первого издания оказался недостаточен, чтобы удовлетворить спрос всех желающих — даже свой личный экземпляр я был вынужден отдать. К тому же друзья Григория Филипповича высказали просьбу подготовить юбилейное, к 85-летию со дня рождения, издание. Целесообразным оказалось устранить отмеченные ими неточности и дополнить книгу материалами справочно-биографического характера.

Валентина Александровна Науменко, проживающая на Дальнем Востоке, снабдила меня ценной информацией о юности деда. Уникальными получились замечания Алексея Николаевича Лахонина к истории создания и географии большинства картин — кроме деда, вряд ли кто на свете знает эти детали так подробно. Любовь Ивановна Лукичева поэтически осветила ряд старых и новых сюжетов. Интересный рассказ Татьяны Романовны Куницыной заставил меня сфотографировать две большие картины в ДК "Лунево", и тем самым два рисунка стали лучше.

Пользуясь случаем, выражаю глубочайшую признательность сотрудникам Краеведческого музея Зеленограда, которые безо всякого напоминания с моей стороны, но подчиняясь зову сердца, организовали в годовщину смерти мемориальную выставку имевшихся у них работ моего деда.

Пусть читатель, требовательный к колориту, примет во внимание его неизбежные искажения на следующем пути: оригинальный сюжет → (память художника) → копия картины → освещение/ракурс картины → (особенности цифровой съемки) → электронная фотография → (память зрителя) → (коррекция Photoshop) → скорректированное фото → (особенности бумаги/принтера) → электронное фото для печати → иллюстрация в книге.

Интернет-версия книги также выложена на сайте в pdf-формате. В этом формате просмотр иллюстраций более предпочтителен, чем непосредственно в виде jpg-файлов, адаптированных к бумажной печати.

*Автор,
февраль-март 2009*



ные корпуса, возведенные во время бурного развития Зеленограда и исчезновения в его окрестностях подмосковных деревень.

Вспоминаются годы, когда мы с Григорием Филипповичем работали в Клубе художников Зеленограда в тот период, когда у клуба было свое помещение. У нас работали тогда художественные студии, и Григорий Филиппович вел студию для подростков и взрослых (такой студии сейчас в нашем городе нет). Кто-то из его учеников стал художником, кто-то — нет. Но многие из них приходят на его выставки и благодарят Мастера, открывшего им тайны живописи.

Григорию Филипповичу сейчас 81 год. Много это или мало? Для художника этот вопрос не несет смысла. Искусство возраста не имеет. Лермонтов написал «Безест парус одинокий» в 15 лет, Тициан писал картины — в 90, а Рафаэль в 37 уже умер. Так что в протия деления художников на молодых и старых. Настоящий художник всегда молод.

Григорий Филиппович Назуменко никогда не был членом каких-либо творческих союзов



Краткая биография

Уместно сразу дать общий набросок, как поступают опытные художники, жизненного пути деда. Одно лишь уточнение для читателей, незнакомых с географией Подмосковья: Левый берег — Химки — Сходня — Фирсановка — Крюково (Зеленоград) находятся на одной ветке Октябрьской ж/д, причем Химки отделяет от Левого берега канал им. Москвы, и от м. Комсомольской (Москва-пассажирская ж/д), равно как и от Крюково, до Химок всего полчаса езды на электричке; Долгопрудный — город в 20-ти минутах езды автобуса №368 от Левого берега, а пос. Лунёво — местечко рядом со Сходней (также около получаса езды на автобусе №36). Из официальной автобиографии деда, датированной 1 августа 1988г.

"Я, Науменко Григорий Филиппович, родился 12 января 1924г. в с. Кузьма-Демьяновка Тамбовского р-на Амурской обл., где проживал до 1934г. В 1934 году родители переехали в село Мазаново Мазановского района Амурской области.

С 1938 г. жил у брата в г. Благовещенске, где окончил два курса художественного отделения в педучилище. В связи с войной художественное отделение из-за малого контингента (большинство учащихся были призваны в Армию) было переведено в г. Иркутск, куда я не имел возможности ехать для продолжения обучения. А поэтому осенью 1941 г. поступил работать на хлебокомбинат сначала чернорабочим, а потом меня назначили бригадиром тарного цеха. В октябре 1942г. был призван в Армию. Служил почти до конца марта 1947г.

Принимал участие в войне с Японией.

После демобилизации окончил курсы строительных десятников при ДОКе №90 в г. Благовещенск, но по этой специальности не работал. В 1948г. поступил на работу в Дом офицеров в качестве художника-оформителя. С 1 сентября 1949г. по июнь 1951г. обучался в художественно-графическом педучилище в г. Биробиджан. А после окончания его три года

работал в педагогическом училище в этом же городе. Преподавал рисование и труд.

С 15 августа 1954г. по 19 августа 1963г. работал учителем черчения и рисования в Крюковской средней школе №1. С 20 августа 1963г. до 26 августа 1979г. вел предмет "Изобразительные средства в агитации и пропаганде" в Московском областном культпросветучилище. Затем один год работал художником-оформителем на Лунёвской птицефабрике. С сентября 1980г. по сентябрь 1983г. руководил изостудией в Долгопрудненском Доме пионеров. С 1 сентября 1983г. по июль 1985 г. работал мастером производственного обучения в среднем профессионально-техническом училище №75 на отделении "Художник-исполнитель оформительских работ". С 1 сентября до 1 ноября 1985г. работал в Фирсановской средней школе, а с 1 ноября 1985г. до 30 июля 1988г. — в Лунёвской средней школе на должности преподавателя рисования и черчения.

В 1942г., был принят в комсомол, а в 1947г. — в члены КПСС. В 1961г. окончил Московский государственный заочный педагогический институт по специальности — рисование и черчение".

С сентября 1988г. по июнь 2005г. дед работал в Московском областном культпросветучилище (Левый берег), которое до последнего времени называлось "Московский Областной Колледж Искусств" (МОКИ). Затем ушел на заслуженный отдых и вскоре скончался в возрасте 83-х лет.

Добавлю от себя несколько штрихов, оживляющих этот суховатый текст. Родители деда родом с Украины, но вся многодетная семья жила на Дальнем Востоке. В связи с проводимым в 20-30-е гг. Сталиным курсом на насильственную коллективизацию и индустриализацию семью его отца, крепкого хозяйственника, раскулачивали дважды, что влекло за собой переселение на новое место. Возмож-

но, поэтому дед так и не крестился и поэтому плохо относился к Сталину. Затем война; впрочем, на западных фронтах ВОВ дед почти не бывал, служил на Дальнем Востоке, в Манчжурии, посещал Харбин (он говорил, что стрелять пришлось только один раз). Поступил после войны в художественное училище г. Биробиджан, там познакомился со своей первой женой, Лидией Дмитриевной Суздальцевой, которая была на 2 года его моложе; она по распределению была направлена в Еврейскую автономию, — как преподаватель изобразительного искусства. Кажется, подрабатывали росписью скатертей для селян (дед сожалел, что ему это делать запретили, ведь деньги-то для скатертей у пьющих мужиков отбирали жёны).

В 1952г. родилась моя мать, Татьяна, и вскоре они переехали в Подмоскowie. В дер. Лобаново (около Химок) у них была коммуналка, жена стала работать в г. Долгопрудный в художественной студии Дома пионеров, дед работал сразу в нескольких местах, занимаясь достаточно хлебной работой по "наглядной агитации" (скажем, для какого-нибудь совхоза красное полотнище — "Перевыполним план по яйцезаготовкам на 50%"). Затем в 1967г., как секретарю парторганизации училища, ему дали 2-х комнатную квартиру на Левом берегу. Коммунистов он не любил, в частности, поскольку ему устроили проработку по причине внеурочных заработков — тогда работа по совместительству воспрещалась. В 1975г. родился я; он очень любил меня маленького и сделал гигантское число фотографий. В 80-е годы, занимаясь "наглядной агитацией" как преподаватель училища, он не бросал живопись, и у меня сохранилось много диапозитивов и репродукций с изображениями разных картин, осталось и несколько толстенных книг 70-х годов по искусству. Достаток в семье был около среднего, даже в сторону богатства.

В начале 80-х идиллия кончилась, жена Лидия заболела желудком, ей сделали несколько операций по выреза-

нию части желудка, затем обнаружили полипы, мешавшие проходимости пищи (боли). Она стала резко худеть, и закралось подозрение на рак (оно было ложным). В 1983г. Лидия умерла. Дед недолго оставался один, и вскоре переехал жить к одной женщине в ее коммуналку в Крюково (она много лет преподавала математику в школе, где они и познакомились). Затем настала перестройка, к тому времени у деда было несколько выставок (87-92 гг.) — в частности, персональная в кинотеатре "Комсомолец" около ж/д ст. Петровско-Разумовская (1990/1). Наглядная агитация отменилась, и он обратился к живописи маслом. Когда это разрешили, он, моя мать и я часто ездили по выходным в Измайловский парк и на Арбат торговать картинами. Особенно у него хороши были зимы — одна картина, которая шла нарасхват, сохранилась в памяти — зима, закатное солнце и сани с лошадкой. Увы, ее копии у меня дома не сохранилось — вероятно, это была лучшая работа. Примерно в 1989г. он женился вторично, именно на своей "пассии", Нинель Михайловне Майоровой, пятью годами его моложе.

К годовщине ВОВ ему, как ветерану, и ей, как блокаднице, власти Зеленограда дали однокомнатную просторную квартиру в новостройках Зеленограда (14-й микрорайон). Дед жил вначале на два дома, затем окончательно, где-то в конце 90-х, перебрался в Зеленоград. По мере ослабления сил он все реже гостил у нас на Левом берегу, последние два года работы в МОКИ даже уже и не заходил, хотя от работы до дома минуты полторы ходьбы.

В период 2003-2007 гг. начались неприятности со здоровьем. Вероятно, в молодости дед слишком много километров исходил пешком, поэтому стали возникать боли в спине (весьма помогли сеансы мануального терапевта в ДК "Микрон"), затем в коленках. Хуже стало с глазами — обнаружили и глаукому, и катаракту. Но еще хуже — стала подводить память. В последний год он часто раздражался

от всего этого. Зимой 2007г. прозвучал первый звонок, когда врачи поликлиники обнаружили у него высокое давление (необычное для него, поскольку он склонен к гипотонии). На две недели он попал в больницу, "как бы по недоразумению". В конце июля 2007г., ровно за неделю до смерти, прозвучал второй звонок — с ишемическим инсультом деда отвезли туда опять. Промучившись несколько дней в городской больнице №3 Зеленограда в полубессознательном состоянии, будучи крепко привязанным к койке в отделении реанимации, он скончался.

Биография в портретах

В молодости (рис. 0.1-0.3):



(октябрь 1942 г.)



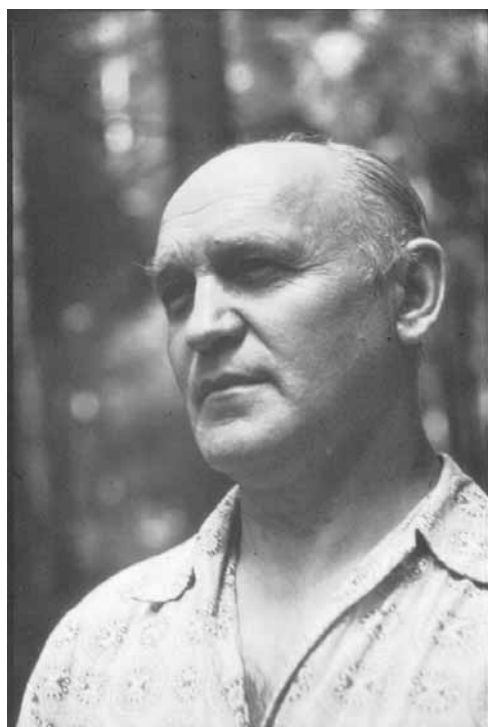
01.10.45 - Харбин



01.10.1945
Харбин

В зрелом возрасте (рис. 0.4-0.7):







В пенсионном возрасте (рис. 0.8-0.14):





В последние годы жизни



*Рис. 0.15. — сделан в ноябре 2005г., слева — его вторая жена,
Нинель Михайловна.*

Личные воспоминания

Прежде предоставлю слово своей маме, Татьяне Григорьевне, которая, если быть честным, часто разочаровывала дедушку — он позже признавался, что слишком потакал ей (от любви).

"Насколько я помню с самого детства, мой отец был мягким, веселым и добрым человеком, который с утра до ночи увлеченно работал — писал картины, учил и оформлял наглядной агитацией всевозможные учреждения. Главной в нашей семье была мать, а отец всегда являлся добытчиком. К нам приходили многие его друзья, и они чувствовали себя у нас как дома...

Меня просили вспомнить какие-то яркие эпизоды из жизни. Один из моего школьного детства, довольно курьезный, расскажу. Как-то раз мы ждали гостей, и мама сварила в кастрюле-скороварке большую индейку и куда-то ушла. Отец пришел с работы домой, увидел вкусно пахнущую индейку и за футболом всю ее съел. Вскоре мама вернулась, приделась к приходу гостей, разбудила отца, который сладко спал после плотного обеда, и стала накрывать стол. Заглянув на кухню, мама обнаружила в раковине кастрюлю с костями от индейки и остолбенела от неожиданности. Отцу в тот день не поздоровилось...

Однажды летом я с родителями пошла в лес на наш традиционный пикник. По лесной тропинке мы неспешно поднимались в гору. Впереди шел отец с этюдником на плечах, следом за ним — я с мамой. Вдруг навстречу нам с оглушительным лаем выскочила огромная овчарка, оскалилась и прыгнула. Отец едва успел закрыть всех своим этюдником, в который врезалась морда овчарки; от удара собака ошалела. Слава богу, появился хозяин овчарки. Так отец спас нас от кровавой трагедии, которая могла бы быть вместо пикника".

Мои самые ранние полусознательные воспоминания относятся к началу 80-х. Помню, как дед и мать проводили ремонт квартиры, сдвинутую в одну комнату всю мебель (бабушка уже болела, и семья изрядно тратилась на лекарства). Кажется, поводом к ремонту послужили клопы, которые дед ненароком занес в дом со старыми рейками/палками, подобранными на улицах (они служили сырьем для подрамников). Но все-таки то было счастливое время, во всяком случае, в ощущении ребенка.

Дед, по-видимому, очень много гулял со мной (*рис.0.10*) и одна из картин косвенно запечатлела документальный факт моего детства (*рис.4.19*). В те годы в пристанционном лесу еще водились белки, и одна из них даже взяла у ребенка с рук корм — сохранились даже фото этого эпизода. Одним из увлечений деда была фотография, он почти всегда брал с собой советский фотоаппарат "Зенит", — дома у нас остались специальные лотки для проявки пленки. Осталось также огромное число диапозитивов, сделанных им (почти все цветные фото выше — это их сканы). Фотографировал он многих, в частности, прелестных студенток колледжа.

Помню, как однажды уже в 2000-х гг. сломалась лампа от диапроектора, на котором он просматривал слайды. Диапроектор же служил очень удобным средством для преподавательско-оформительской работы при воспроизведении картин, хотя даже свои картины художник копировать не любил. Дед обратился ко мне с просьбой сыскать лампу в Москве; в итоге, благодаря усилиям Александра Сергеевича Калгашкина, проблема была решена (попробуйте-ка сейчас найти запчасть от техники советских времен!).

Вообще же дед очень обязательно относился к просьбам своих знакомых (но и в ответ без стеснения "напрягал" их сам). Однажды он поднял на уши всю семью для поиска лекарства от простуды для одного друга — до сих пор помню название — "нафтизин". Вероятно, это происходило

во времена дефицита. Несколько раз он искал изображение какого-то предмета (снегиря, мельницы и пр.), чтобы удовлетворить пожеланиям заказчиков. И было где искать: за 60-70-е гг. дед скопил множество репродукций, номеров журнала "Советский художник"; поскольку я одно время увлекся собиранием марок, то подспорьем служили три моих альбома. Обычно я или мать находили нужное за час или два перелистывания этих материалов.

Отдельную страницу жизни деда составляет дружба со Степаном Васильевичем Чуриловым, светлая ему память. Смерть последнего в сер. 90-х, к сожалению, прервала их длившиеся около десятилетия отношения. Мне больше всего запомнились шахматные поединки между ними (я, конечно, подсказывал на стороне деда); с этого момента, кстати, длится моя любовь к шахматам. Как и дед, он был открытым, непосредственным человеком, равнодушно относился к искусству, пытаясь чему-то научиться у деда, и в ответ сам помогал ему по столярному ремеслу. До сих пор у меня в квартире есть сделанная Степаном Васильевичем полка. Многолетним другом деда был Алексей Ляхонин, избравший в жизни тернистый путь художника и ученика Маэстро (так мы называли деда).

У деда были и мимолетные знакомые. В постперестроечное время многим пришлось сменить профессию, и некоторые без наличия таланта пытались заняться живописью. Так одно время к деду в его мастерскую наведывался один полковник (или, точно не помню, подполковник), платя за "обучение" у Мастера овощами с огорода. Дед вполне владел столярным ремеслом, но в сантехнике и электрике он вовсе не разбирался. При возникновении таких проблем он, однако, находил "нужного" человечка; стандартным способом оплаты было, естественно, нарисовать "какую-то картинку". В 2000-е гг., когда он стал прилежно посещать поликлинику, тщательно оберегая здоровье, он подарил такую "картинку" лечащему терапевту.

Впрочем, свои серьезные картины дедушка величал добродушно-иронично "шедеврами".

Отношения с начальством дед всегда поддерживал ровными и хорошими, не в последнюю очередь благодаря особенностям профессии. Даже в армии, как говорил мне дед, служба его проходила при штабе, поскольку и советским военачальникам требовалась качественная наглядная агитация. Однако, и в мирное время местному руководству всегда требовалось перед какими-то выборами или съездами партии в сжатые сроки начертать лозунги и транспаранты. Это обеспечивало семье и несколько бессонных ночей, и хороший дополнительный приработок. Что касается политических взглядов, то Сталина он не любил за то, что "много народу погубил", Хрущева — за то, что Крым отдал украинцам; перестройку приветствовал, вначале надеялся на Ельцина, потом, разочаровавшись в нем, голосовал на выборах-96 за генерала Лебеда. В постсоветское время начальству требовались подарки для более высокого начальства, и картины как раз и составляли такой подарок. Поэтому, например, в колледже деду давали дополнительные часы (в виде т.н. "индивидуальных занятий") и помещение под мастерскую. Он часто говорил — "а что мне плохо? В классе сидят дети, рисуют, а я своими делами у себя занимаюсь".

По-видимому, он поступил мудро, оставив нас с матерью жить отдельно в квартире на Левом берегу. Ценой этого были, однако, транспортные издержки по пути на работу в Колледж из Зеленограда и обратно. Поэтому, хотя в последние годы он работал там не более 2-х раз в неделю, но приходилось подниматься по лестнице на 4-й этаж, что физически давалось нелегко. Где-то с 2000-х гг. у него появилась тросточка и подушечка, чтобы сидеть на перилах платформы в ожидании электрички (пл. "Левобережная" не является для поездов основной). Когда дед уже почти не мог ходить, он на пути в Зеленоград садился на

авт. №5, который подвозил его к Химкам (там останавливаются все электрички). Также с оказией Алексей Лахонин подвозил деда на своей "четверке" прямо от Колледжа до дома. В 90-е годы, когда здоровье еще позволяло, он почти всегда заходил к нам домой, чтобы либо поесть, либо "отработать темку", как он любил говорить, т.е. поспать после обеда.

Немного о работе в колледже. Он называл словом "воевать" разборки с нерадивыми студентами, очень не любил, когда ленивые студенты выдавали чужие акварели за свои — в таких случаях всегда ставил "двойку". Всегда сетовал, что приходится искать для них бумагу и карандаши по причине их неорганизованности. Очень любил на занятиях принимать авторитетный вид, рассказывать о своей жизни — можно сказать, немного хвастался. Однако на педсоветах, что я помню, сидел скромно в сторонке, чуть подремывая.

В мое институтское время летом 91-97 гг. (иногда даже во время учебного года) в кабинете №413 кипела работа. Мы вместе делали подрамники, уголки для них или собирали рамы, а также проводили другую вспомогательную работу. Так я "понюхал" столярного труда. Верстаком, кстати, служил какой-нибудь стол. Обедали там же, точнее рядом в подсобке, бутербродами и столь любимыми им пряниками; он внимательно следил, чтобы я съедал половину. Здесь у него стоял старый радиоприемник, который он любил слушать, здесь в навесных или вделанных в столы полках лежали инструменты, багет и уже готовые картины. Оставшаяся же часть кабинета отводилась под учебный класс, в котором над доской красовалась большая картина деда шириной в полстены — к своему стыду, не помню, что было там изображено. Висел лозунг "Искусство принадлежит народу" для демонстрации шрифтов, стенд с перечислением холодных и теплых цветов, лучшие акварели учащихся. В солнечную погоду все дивно освещалось лучами

солнца, немного искоса. Теперь в кабинете перегородку между классом и подсобкой сломали, занятий по изобразительному искусству не проводится, а кабинет отвели под хоровое пение.

Тяжело в материальном аспекте сложились для меня и матери 95-98 гг. По мере возможностей дед нам помогал деньгами, одно время я даже пробовал ходить продавать маленькие картины по разным учреждениям — в основном неудачно. Как ценна вовремя оказанная помощь! Однажды в нач. 90-х, когда популярностью пользовался бартерный обмен, он, посоветовавшись с нами, согласился принять платой за какую-то картину три зимние шапки из искусственного меха (две из них до сих пор пылятся у нас на полке). Мне вспоминается один эпизод, относящийся все же к 2000-м годам. Летом к нам в мастерскую ворвался один кавказец с упреками в некомпетентности; оказывается, дед нанялся покрасить ему в зеленый цвет торговую палатку, но заказчику показалось, что краска неправильно засыхает. Дед спустился с ним и по возвращении объяснил мне, что просто хозяину палатки надо было немного подождать. Конечно, на мой взгляд, деду нужно было отказаться; пусть более молодые подзаработают, но привычка браться за любую работу, выкованная жизнью, победила.

Вернусь немного в прошлое, в 80-е гг. Дед издавна был болельщиком футбола, хотя на стадионы практически не ходил, смотря матчи по телевизору. Я помню эпизод, когда вся наша семья смотрела решающий матч "Спартак" с киевским "Динамо" (кажется, на Кубок СССР). Дело даже дошло до пробития послематчевых пенальти, "Спартак" выиграл — в те годы киевляне Лобановского, наоборот, чаще били команду Бескова. Но остроту эмоциям придавало то, что я болел за Спартак, а дед — за киевлян (ему нравились Блохин и Михайличенко, а Лобановского он помнил еще игроком по "сухому листу"). В 90-е и 2000-е годы дед сохранял интерес к футболу, брал у директора колледжа

Равиля Алиевича выпуски еженедельника "Футбол. Хоккей". Но так и не приучился смотреть иностранцев; его всегда возмущало, что по ТВ наши клубы в УЕФА показывают поздно (или вовсе не показывают), а итальянский футбол можно было смотреть запросто.

С 70-х гг. и до недавнего времени дома оставались грампластинки с записями опер и романсов. Дед любил Шаляпина и особенно Лемешева, однако не был поклонником Козловского. Тексты некоторых романсов помнил наизусть даже до последних своих дней, когда уже все забывал. Где-то в году 2003-м я подарил ему магнитолу; хочется верить, что дед изредка ее слушал, поскольку в преклонном возрасте он плохо справлялся с современной техникой (я даже рукописную инструкцию специально для него составил). Его отношение ко мне было столь трепетным и деликатным, что потраченные на магнитолу деньги он мне вернул, хотя я отказывался — тогда я мог уже себе это позволить.

Помню, когда я был еще школьником, приходя утром, дед любил пощекотать мне пятки — дескать, пора вставать. До сих пор мне обидно за один чудесный утренний сон, прерванный таким способом. Вообще же дед приносил с собой в дом какую-то суетливую энергию, непременно начинал чем-то заниматься. Поскольку даже днем растительность возле дома загораживала свет, то включал электрический свет (кстати, гораздо раньше именно дед посадил эти деревья, но они совсем уж разрослись). Летом же всегда держал окна открытыми (и нас приучил). Уходя, всегда хлопал входной дверью — психолог бы, наверное, увидел в этом признак открытости/порывистости натуры. Равно как и в другой мелочи — ходы на шахматной доске делал всегда значительно, со стуком. Я попытался скопировать эти привычки, но они оказались "вредными" — так, щеколда замка двери все-таки испортилась (привычек же по-настоящему вредных у деда не завелось, он не пил и не курил).

В последние годы его суетливость и эмоциональность возросли. Мне вспоминается один эпизод, связанный с Новым годом (кажется, начало 2004г.). Я тогда все медлил с покупкой сотового телефона, и вот по стечению обстоятельств нам отключили домашний телефон на несколько дней — а были праздники. Несколько дней дед к нам не мог дозвониться, до крайней степени волновался, и он отыскал одну знакомую по колледжу, живущую в нашем доме, — она и спустилась к нам узнать, в чем дело, не случилось ли чего плохого. Второй эпизод связан с офтальмологическим центром С. Федорова в районе Ховрино. Я сопровождал несколько раз деда по дороге туда и обратно — самостоятельно он уже бы не доехал (машины, к сожалению, у меня нет). Я все время боялся, как бы дедушка не упал — он еле держался на ногах; но один раз недоглядел, и дед, обходя машину, не рассчитал шаг и споткнулся о бордюр, упал. Уже встав, он зло посмотрел на нее и стукнул тростью о колеса. К этому же времени относится эпизод с пропавшими тапками (до сих пор загадка, куда они делись — вероятно, мы с дедом потеряли их где-то в больнице). Его жена потребовала отчета и, вероятно, изрядно потрепала деду нервы. В телефонном разговоре со мной он в сердцах воскликнул: "Ты согласен со мной, что вся эта история с тапками не стоит и выеденного яйца?".

После празднования 80-летнего юбилея дед не оставлял творческих планов, просто потому что не мог жить без любимого дела. Ситуацию же усугубляло отсутствие мастерской, поскольку колледж пришлось бросить, а в зеленоградской квартире жена не разрешала зимой рисовать (из-за запахов краски). С нетерпением он ждал теплых весенних дней, когда можно будет выходить на балкон, пусть даже и в верхней одежде. Зимой же дед скучал и предавался ностальгии, активно списывался с племянницей на Дальнем Востоке — она же ему прислала мешочек с особыми камешками, который он надевал на коленку для облег-

чения болей. Впрочем, я полагаю, повязка лишь играла роль плацебо.

Перед роковым инсультом дед хотел заказать Алексею Лахонину купить подешевле большую партию белил, поскольку планировал сосредоточиться на "зимах". Чтобы придать смысл своей жизни и работе, он планировал устроить еще одну персональную выставку в "Выставочном зале" Зеленограда в ноябре 2007 г. Но смерть помешала реализации этих замыслов...

Мемуары его друзей

Чтобы в последний раз окинуть единым взором жизненный путь дедушки, начну с перепечатки одной статьи, опубликованной в зеленоградском журнале "Алфея" за 2005-й год:

Народный художник Зеленограда

Такого звания нет, но если бы оно существовало, то первому, кому его нужно было бы присвоить, — это Григорию Филипповичу Науменко. Зеленоградскому художнику, который уже много лет воспекает красоту нашей земли и чьи работы украшают дома многих и многих зеленоградцев. Его творчество всего ближе обычным людям, а не искушенным ценителям. Потому что оно просто и доступно. Но в этой простоте и доступности есть своя особенная неброская красота. Его картины также, как и он сам, благожелательны. Они приглашают зрителя войти в себя и вместе с художником почувствовать прелесть зимнего леса, запах весенней земли и многое другое, чего нельзя передать ни словами, ни с помощью самой современной фотографии. К сожалению, это понимают не все. Агрессивный коммерческий авангард, заполонивший в последние годы московские выставочные залы и объявивший себя "современным искусством", отбивает у многих интерес к искусству вообще и портит художест-

венный вкус. А тем временем "несовременный" художник Науменко все пишет и пишет свои этюды и картины, создавая художественную летопись нашего города, пополняя зеленоградскую художественную галерею и частные собрания простых людей. Григорий Филиппович не устает повторять, что считает себя приверженцем русского реалистического искусства и что его кумиры — это Репин, Суриков, Шишкин и Левитан.

Интерес к пейзажу у Г. Науменко возник еще в годы учебы на художественном отделении Благовещенского педучилища. Работал он много, почти ежедневно ходил на натуру — писал удивительной красоты природу Дальнего Востока. Там же он пошел в армию и участвовал в боях с Японией во время Великой Отечественной войны, с которой он пришел награжденным медалью "За Боевые заслуги". Так что доучиваться живописи в Московском педагогическом институте пришлось уже после войны. Он закончил институт с отличием и досрочно — за четыре года вместо пяти, и целиком погрузился в мир живописи.

Мало найдется уголков в окрестностях Зеленограда, которые не исходил бы с этюдником художник-труженник Науменко! Его этюды необычайно просты и искренни. Он умеет мастерски передать состояние момента — отблеск зимнего солнца на снегу, движение листвы на деревьях и цветов на полях, печаль летних сумерек. Однако работы Г. Науменко имеют не только художественную, но также и историческую ценность. Его художественная летопись Зеленограда уникальна! Ведь во многих местах, где он когда-то писал этюды, вздымаются ныне многоэтажные корпуса, возведенные во время бурного развития Зеленограда и исчезновения в его окрестностях подмосковных деревень.

Вспоминаются годы, когда мы с Григорием Филипповичем работали в Клубе художников Зеленограда в тот период, когда у клуба было свое помещение. У нас работали тогда художественные студии, и Григорий Филиппович вел

студию для подростков и взрослых (такой студии сейчас в нашем городе нет). Кто-то из его учеников стал художником, кто-то — нет. Но многие из них приходят на его выставки и благодарят Мастера, открывшего им тайны живописи.

Григорию Филипповичу сейчас 81 год. Много это или мало? Для художника этот вопрос не имеет смысла. Искусство возраста не имеет: Лермонтов написал "Белеет парус одинокий" в 15 лет, Тициан писал картины в 90, а Рафаэль в 37 уже умер. Так что я против деления художников на молодых и старых. Настоящий художник всегда молод.

Григорий Филиппович Науменко никогда не был членом каких-либо творческих союзов СССР или России. А мы, его коллеги, гордимся тем, что он является членом всего лишь одной организации художников — объединения "Клуб художников Зеленограда". Гордимся тем, что он внес в работу нашего объединения очень весомый вклад. Этот его вклад — дар нашему любимому городу Зеленограду.

**Председатель объединения
"Клуб художников Зеленограда",
член Московского Союза художников
Виктор Дубовиков.**

Многие десятилетия рядом с дедушкой неизменно находился его ученик, Алексей Лахонин, впитавший заветы Мастера и в ответ оказавший ему множество мелких услуг, связанных материальным обеспечением художнической деятельности. Часто критиком и зрителем всех новых картин деда оказывался Алексей Николаевич, с советами которого Григорий Филиппович порою соглашался.

Я знал его с 1968 года. Тогда Григорий Филиппович и посоветовал мне серьезно начать постигать искусство как ремесло, начать с художественной школы. Это требует



Рис. 0.16. На персональной выставке 2005г.

большого терпения и более того — стремления. И наверное, как он заметил, оно у меня было. Я очень ему благодарен за то, что он для меня сделал, — находил время, несмотря на свою педагогическую загруженность в училище. Не один десяток раз мы вместе ездили на этюды и выставки, бродили по химкинским рощам и тропинкам. Все это откладывалось надолго и основательно в нас... Совершенно уверен, что его вклад в изучение и изображение русского пейзажа не менее значителен, чем у Левитана, Остроухова, Васнецова и других великих мастеров XIX-XX вв. Такое искусство будет жить вечно.

Основой своих картин он считал этюды, "без которых не может быть настоящей профессиональной картины", — так он размышлял в наших беседах. Мне он всегда напоминал: "Стремись на этюдах как можно точнее передать общее состояние, колорит, прописывая по возможности детали, не теряя целостного впечатления. Потом тебе всё это пригодится в картине". Григорий Филиппович оказался прав.

В этом я всё больше убеждаюсь, работая над большими композициями... На мои сомнения или неудачи он отвечал, что это надо почувствовать, этим надо болеть...

Григорий Филиппович также плодотворно работал и в преклонные годы, искренне и правдиво. Особенно, на мой взгляд, его притягивало в природе весеннее пробуждение: появляющаяся зелень, ручейки. Потом — лесные тропинки, освещённые солнцем, утренние росы на полянах. С большим вдохновением он любил передавать и зимний лес, одетый в иней. Если немного сказать о его творческом процессе, то "в пейзаже очень многое зависит, если не всё, как написано небо", — не раз напоминал он мне... Всего себя он отдавал искусству... Горжусь, что он был и остаётся неофициальным моим учителем в пейзаже. Я всегда буду помнить о нём.

Октябрь 2007г.

*Алексей Николаевич Лахонин,
выпускник Абрамцевского
художественного училища им. Васнецова,
преп. детской художественной
школы №9 г. Зеленограда в 1990-2000гг.*

В последние годы особенно тесно дед сдружился с Александром Сергеевичем Калгашкиным, который помогал ему как в различных делах, так и по жизни. Впрочем, об этом лучше расскажет он сам:

Осенью 1981 года по воле судьбы я оказался в Солнечногорском районе Подмосковья. В посёлке Лунёво в ДК Братцевской птицефабрики я стал работать руководителем оркестра русских народных инструментов. Однажды в фойе Дома культуры я увидел две огромные картины: "Зима. Последние лучи" и "Золотая осень". Размеры этих работ поражали,

но не менее поражало и мастерство художника. Я долго не мог отойти от картин, любуясь этими прекрасными полотнами. Усотрудников Дома культуры я узнал, что автором их является местный художник, работавший здесь когда-то, Науменко Григорий Филиппович. Мне очень захотелось познакомиться с этим замечательным мастером. Как-то раз зайдя в библиотеку, я увидел высокого интеллигентного человека, с которым меня и познакомила зав. библиотекой С.В.Маринина. Обаяние этого человека было столь поразительно, что казалось, будто мы знакомы много лет. Взгляды на жизнь, художественные и музыкальные вкусы, любовь к великому русскому певцу С.Я.Лемешеву — всё это нас объединяло. С этого дня началась наша дружба, которая ничем не омрачалась.

В годы книжного бума и дефицита мы обменивались редкими альбомами о художниках, книгами. Григорий Филиппович часто давал мне книги для чтения из собственной библиотеки, повышая мой художественный уровень. Помню как-то он привёз две редкие книги: первая — мемуары художника-передвижника Я.Д. Минченкова "Воспоминания о передвижниках" (книга написана блестяще, из первых рук, которую можно читать и перечитывать с любой страницы); вторая — "58 лет в Третьяковской галерее" написана первым хранителем Третьяковской галереи Н.А. Мудрогелем. Успех этих книг был таким, что многие наши друзья и знакомые читали их по очереди. Хочется сказать ещё об одной книге, наиболее любимой Григорием Филипповичем, — книге великого русского певца С.Я.Лемешева "Путь к искусству", в которой артист рассказывает о своей творческой жизни, тонкостях профессии. Особенно нас поражала скромность великого певца и актёра.

Григорий Филиппович очень любил художественный фильм "Музыкальная история", в котором С.Я. Лемешев снялся в главной роли. Он мог смотреть этот замечательный фильм много раз, и каждый раз напоминал мне, когда и по ка-

кому каналу ТВ он идёт. Мало кто знает, что Григорий Филиппович был страстным болельщиком. Он тонко разбирался в современном футболе, был в курсе дел российского чемпионата и всегда смотрел интересные матчи по телевизору.

Уже много лет в Лунёвской библиотеке существует "Клуб любителей искусства", в котором Григорий Филиппович читал лекции-беседы о русской живописи, демонстрировал слайды, альбомы. Многие читатели до сих пор с благодарностью вспоминают эти замечательные вечера.

Жизнь художника — это постоянный труд, общение с природой, этюды. Григорий Филиппович был трудоголиком в своей профессии, он постоянно и ежедневно трудился. По его словам, он обошёл пешком все живописные уголки от Левобережной до Клина. Он мне часто рассказывал интересные и курьёзные истории, которые происходили во время этих походов. В советское время художник не мог официально продавать свои работы. Это была привилегия "маститых" членов Союза художников. Несмотря на это, Григорию Филипповичу удавалось устраивать свои персональные выставки, на которых восторженные посетители раскупали почти все экспонируемые работы.

Я очень горжусь тем, что мне приходилось участвовать в подготовке и развеске картин на многих персональных выставках его произведений. Многие картины Григория Филипповича находятся в зарубежных коллекциях. Хочется рассказать об одной истории, которую мне рассказал Григорий Филиппович. Как-то раз художник поехал в "Измайлово". Тогда это был ещё не современный вернисаж, и художники продавали свои работы прямо на лужайке. Вдруг к Григорию Филипповичу подходит иностранец и говорит: "Я обошёл всех художников, но лучшие Вашей картины не нашёл". Речь шла о замечательной работе "Лунная ночь зимой" (рис. 6.3). Далее он продолжал: "У меня нет рублей, но есть валюта, не могли бы Вы уступить эту картину? Она мне напоминает Сибирь, где я был в плену во время войны". В то время было небезопасно

иметь дело с иностранной валютой, но, слава Богу, всё обошлось благополучно.

Сейчас мне хочется вернуться к началу моего повествования и рассказать об истории появления двух огромных картин "Зима. Последние лучи" (рис. 0.19) и "Золотая осень" (рис. 0.18). Это было в 70-е годы прошлого века. Григорий Филиппович работал художником-оформителем на Лунёвской птицефабрике и ему приходилось выполнять такую рутинную работу, как лозунги, плакаты, призывы и т.п. Как творческий человек, он тяготился такой работой. И вдруг он неожиданно обращается к секретарю парткома и предлагает написать живописные картины. Не сразу, но удалось убедить руководство. Григорий Филиппович сказал им мудрые слова: "Ваши лозунги устареют, и Вы их выбросите, а картины будут всегда висеть!". После этого местные плотники изготовили рамы, подрамники, купили краски, холст, и Григорий Филиппович с радостью и энтузиазмом принялся за работу. Картины были написаны в фойе Дома культуры, где по сей день висят и радуют людей своей красотой. Через некоторое время в Лунёво приехал "важный чин" из обкома партии и он не мог поверить, что такие великолепные работы создал наш Григорий Филиппович.

На протяжении всей своей большой жизни Григорий Филиппович занимался педагогической деятельностью. Он преподавал во многих учебных заведениях, но главным из них, в котором он работал до конца жизни, был Колледж искусств на Левобережной. Я был свидетелем того, какая творческая атмосфера царила на его занятиях. Тишина, увлеченность, азарт, радость от своих рисунков. И не могло быть речи о нарушении дисциплины. Молодёжь любила Григория Филипповича, всегда приходила к нему за советами, за помощью, и он никому не отказывал.

Руководство колледжа создало для Григория Филипповича прекрасные условия для работы. Почти все свои многочисленные картины он написал в своём классе-мастер-



Рис.0.17.

Атмосфера на учебных занятиях Григория Филипповича

ской. Мне всегда было радостно приезжать на Левый берег и с волнением входить в его мастерскую, ощущая неповторимый запах масляных красок. Он всегда делился со мной своими замыслами, показывал новые картины, этюды. Григорий Филиппович принадлежал к плеяде художников реалистического направления. Передвижники были всегда идеалом его творческой жизни. Он очень любил Шишкина, Саврасова, Левитана и других замечательных мастеров русской живописи, не принимал и отвергал "авангардистов" всех мастей. В молодости он учился на Дальнем Востоке у ученика И.Е.Репина, который высоко ценил природный дар своего ученика и ставил всегда Григорию Филипповичу отличные оценки. Эпоха передвижников закончилась в начале 20-х годов прошлого века. Появились новые художественные направления, которые нередко отвергали всё, что было до них. Но оставались ещё художники, которые, несмотря ни на что, были верны реалистическому пути в искусстве. К ним принадлежал и Григорий Филиппович. Многочисленные поклонники его творчества всегда отмечают в нём человеческое обаяние, эрудицию, интерес к жизни, оптимизм.

Как тонкий знаток музыкального искусства Григорий Филиппович не "понимал" современной эстрады и с возмущением говорил о пошлости, царящей в настоящее время на телевидении. Враг всякой халтуры, он и к себе предъявлял высокие требования. Я не видел Григория Филипповича довольного своими картинами. Он всегда стремился к совершенству и как истинный мастер своего дела не занимался саморекламой. Его творческая скромность вознаграждалась огромным успехом персональных выставок. Ещё задолго до закрытия картины художника раскупались, а в книге отзывов появлялись восторженные записи.

Талант от Бога он пронёс через всю свою жизнь. Григорий Филиппович был счастливым человеком. Счастьем для него было творчество, каждодневная работа, живопись, без которой он не мог жить. До конца своих дней он не выпускал кисти из рук, и будем надеяться, Господь воздаст ему за это.

***Александр Сергеевич Калгашкин,
преподаватель Сходненской
детской школы Искусств***

В среде профессиональных художников дедушка пользовался авторитетом, о чем свидетельствует его старший друг Вадим Павлинов (ниже портрет деда работы В.Н. Павлинова конца 80-х гг., **рис. 0.17.1**):

Я познакомился к Г.Ф. в 1987г. на курсах повышения квалификации в Солнечногорске. Его послали туда с Лунёво, и потому ездить нам было по пути — он ехал к будущей второй жене, Нинели Михайловне, которая проживала в коммуналке на стороне старого города (Крюково). В то время художественных выставок в Зеленограде еще не было, да и Г.Ф. считал себя химчанином. Вместе с Г.Ф. я участвовал в двух выставках, прошедших в 87-88 гг. и организованных в музее истории Москвы (около "Детского мира") и в Доме офицеров

г. Москва. На последнюю он представил две работы: "В подмосковном лесу" (холст, масло, 60х100 см, 1970) и "Зейский паром" (оргалит, масло, 50х90 см, 1982).

Наступали трудные времена расцвета "перестройки", и в 88-90 гг. московские художники получили возможность свободно выставляться в Битце, Измайловском парке и на Арбате. Туда мы часто ездили вместе торговать —

я специализировался на портретах, а он продавал преимущественно пейзажи. Как-то Г.Ф. сказал мне: "Чего ты в школе пропадаешь?", и переманил меня преподавать в колледже на Левом берегу, и мы стали делить учебные часы.

В начале 90-х всем было непросто, вокруг крутились разные аферисты. Хотя его персональная выставка в кинотеатре "Комсомолец", организованная через одну из заказчиц, оказалась удачной, но случались и крупные неудачи. Г.Ф. выставил около 20-ти работ в помещении банка, который впоследствии лопнул. Они провисели с полгода в коридорчике, и ни одной работы не было продано. Еще один случай, очень расстроивший Г.Ф., произошел с картинами, отосланными на выставку в Австрию (их, по счастью, оказалось всего 3-4). Мошенники представились представителями фонда Раисы Горбачевой, дали ему какую-то бумажку, а в итоге — ни картин, ни денег. Г.Ф. не стремился оттачивать заказчиков высокими ценами, зато рисовал очень много картин.



Рис. 0.17.1

Сотрудничал в клубе художников Зеленограда. Кстати, впервые о клубе он узнал именно от меня. Г.Ф. общался со многими людьми, художниками или нет, даже раздавал фото своих картин. Однажды в художественном салоне я видел копию его композиции — но он к такому "плагиату" относился спокойно. Себя Г.Ф. считал преемником русской пейзажной школы, любил также Тициана и Рубенса.

В последние годы мы созванивались с ним минимум еженедельно, я звал его на свою дачу, но он чаще всего отказывался по причине болей в коленках...

**Вадим Павлинов,
пенсионер и свободный художник
(записано со слов)**

Проработав много лет в Колледже искусств, дед не мог не "поделиться" своими картинами, будь то подарок или покупка, с коллегами. Вот и их воспоминания:

Григорий Филиппович Науменко — поистине народный художник. Всем своим творчеством он прививал любовь к нашей русской природе, помогал увидеть её красоту и неповторимость. Когда едешь куда-нибудь по России, видишь то тут, то там мелькнёт знакомый пейзаж: заблестит на солнце вода в реке, вдруг откроются просторы с церковью на холме, или выглянет солнце и позолотит верхушки деревьев.

Всё это можно встретить на картинах Григория Филипповича. Он говорил, что лучше всего ему удавались зимние пейзажи. И правда, почти у каждого из нас есть его картины с зимним лесом. Одна из лучших его работ — зимняя деревенская ночь (рис. 6.3). Ценность этой картины в том, что есть в ней что-то такое, что берёт за душу: деревенская улица, домик со светящимся окошечком, деревянный сруб колодца. Глядя на картину, один человек скажет: "Здесь прошло моё

детство", другой вспомнит, что в эту деревню его отправляли на каникулы к бабушке, а третий просто вспомнит своих постаревших родителей. Мы все разные, но всех нас объединяет любовь к родной земле, родному краю.

*От сотрудников бухгалтерии
ГОУ СПО МО "Колледж искусств"
Кошелевой Н.А., Широковой И.В.
Аравиной Е.А., Николаевой В.Б.*

На мою просьбу поделиться воспоминаниями о бабушке с большим желанием отозвались еще два человека, чей рассказ непосредственно передает атмосферу времен "эпохи застоя", которая в глазах только сегодняшнего поколения выглядит чем-то нарицательно-отрицательным:

Последняя наша дружеская встреча с Григорием Филипповичем состоялась в 2005-м году на его творческой выставке. Большой уютный зал с идеальным освещением картин ждал своих первых посетителей... а пока в зале мы вдвоем наедине с многочисленными плодами творчества тонкого мастера живописи. Полтора часовой экскурс по картинной галерее с долгой остановкой у каждого полотна с детальным разбором сюжета, места и времени написания — на всю жизнь останется в моей памяти.

А вот как в далеком 1964 году началось наше знакомство, переросшее в дружбу. Я, окончив Волгоградское культурно-просветительное училище, приехал поступать в Московский государственный институт культуры. Как-то выбрав свободное от учебы время, я зашел в здание колледжа. Путешествуя по коридорам, прислушиваясь к звукам музыки и хорошему пению, доносящихся из аудиторий, остановился возле кабинета наглядной агитации. Приоткрыв дверь, услышав голос: "Вы кого ищете, молодой человек? Заходите, присаживайтесь". Я представился, и завязался разговор. С тех пор я

неоднократно заходил в художественную мастерскую Григория Филипповича, которая была рядом с его кабинетом.

Григорий Филиппович любил свою работу, ему нравилось работать с молодежью. Находясь на посту зав. отделом культуры Солнечногорского района я встречал много людей, которые в свое время учились у Григория Филипповича.

После окончания института наши пути разошлись. Судьба забросила меня открывать работу только что построенного Дома культуры Ордена Ленина Братцевского производственного птицеводческого объединения. Штатное расписание клубных работников должности художника-оформителя не предусматривало. Обратившись к руководству с предложением о необходимости оформления наглядной агитацией ДК, я получил согласие и решил пригласить уже знакомого художника Науменко Г.Ф. Путь к Григорию Филипповичу знакомый — Левый берег. Звонок в дверь, и на пороге неожиданная встреча, удивившая Григория Филипповича. За столом гостеприимной хозяйки Лидии Дмитриевны, за чашкой чая шел разговор-воспоминание. Объяснил цель визита — получил отказ. Только с третьего приезда удалось уговорить. Моей радости не было предела. Затем по зачислении штатным художником руководство БППО выделило ему художественную мастерскую; она была просторная, светлая с большими окнами.

Началось художественное оформление предприятия, фасада административного здания, холлов, актового зала, комнаты отдыха, стендов, Доски почета передовиков производства. Вся работу, сделанную Григорием Филипповичем, перечислять очень долго. Так, много умения и мастерства было вложено при оформлении аллеи у Дома культуры, фасада здания ДК и сцены зрительного зала. Особенно хочется отметить его выдумку и смекалку при оформлении народных праздников, таких как Новый год и Проводы русской зимы. Создавая атмосферу сказочности и веселья, придуманные ху-

дожником персонажи удивляли и радовали всех: малышей, молодых и стариков.

Особенно мне запомнился 10-летний юбилей хора русской народной песни. Выступление коллектива проходило на фоне панно русских березок, которые очень гармонично вписались в действо, происходящее на сцене, причем на каждый блок песен менялась декорация. На этом юбилейном концерте присутствовало руководство БППО, которое отметило творческое содружество художника-оформителя и коллектива. Все были награждены грамотами и денежными премиями. После окончания концерта состоялось официальное открытие двух панорамных картин (6 х 3 м): "Зима" и "Осень", подаренных Григорием Филипповичем коллективу ДК. Эти картины стали украшением фойе (рис. 0.18 и 0.19).

На этом наша 10-летняя совместная деятельность прервалась. С тех пор многое изменилось в жизни и у Григория Филипповича, и у меня, но наши дружеские отношения не прекращались никогда. По установившейся ранее традиции мы с моей женой всегда тепло и радушно принимали Григория Филипповича у себя дома уже не просто как гостя, а как близкого друга. Сидя за чашечкой чая, вспоминали нашу совместную работу. Как трудно было Григорию Филипповичу совмещать основную работу педагога и художника-оформителя в ДК. Приходилось работать в выходные, а в будни — допоздна, еле поспевая на последний автобус. С его слов — очень уставал, но получал большое удовольствие от этой работы. Омрачала только необходимость приобретения холста, колонковых кистей, масляных и акварельных красок и багета. В то время это было большим дефицитом, но благодаря установившимся связям с директором Художественного салона на Кутузовском проспекте проблема частично решалась.

Вспоминали и наши походы по окрестностям с этюдником и фотоаппаратом. У нас остались неизгладимые впечатления от соприкосновения с живой природой: озерцом

с раскрывшимися кувшинками и заросшим осокой, лесной поляной и изумрудной травой, в которой спрятался красавец белый гриб. А чуть дальше за березой — красно-оранжевый подберезовик; солнечные лучи, пробиваясь через кустарники, высвечивали красные гроздья рябины, прижавшиеся к дубовым веткам. А поодаль радует глаз калина... И вот вдруг с холма открываются перелески и луга с полевыми цветами, золотистой рожью, в которой укрылись голубые васильки. Вдали же журчит, сверкает от солнечных лучей речушка, на берегу которой примостилась настоящая Русская деревенька. Все это просилось на полотно, что мастерски и делал неоднократно Григорий Филиппович.

Шли годы. Возраст, болезни брали свое, встречи становились все реже. Вот так и пролетели, как один миг годы нашей многолетней дружбы. Остались лишь картины, подаренные нам и светлые воспоминания о нем. Очень жаль, что ушел от нас очень светлый, добрый и трудолюбивый человек.

Помним!

***Анатолий Семенович Редько
и его супруга .***

Однажды ранней весной после рабочего дня было пасмурно и тоскливо. И вдруг появилось солнце, оно вырвалось из-за тучи, осветило все вокруг, и вся картина ожившей под его лучами природы заиграла такими непередаваемыми красками, что даже воздух и тот наполнился чудесной музыкой оживающей под солнцем природы. Не помню, сколько я стояла — из этого оцепенения меня вывел голос: "Что? Тоже не можете налюбоваться?". Повернувшись, я увидела взрослого мужчину, который стоял и улыбался хорошей открытой улыбкой.

Когда он представился — моему ликованию не было предела — передо мной, недавней студенткой, стоял Мастер, автор двух замечательных картин, которые мне с гордостью



Рис. 0.18 и 0.19. Фотографии двух полотен из актового зала Дома Культуры в пос. Лунево (январь 2009г.). К сожалению, кадр ухудшили натянутые веревки после новогодних гуляний.



показали в мой первый день работы в Доме Культуры БППО, и от которых я пришла в полное изумление. Забегу вперед и скажу, что на протяжении 29 лет моей работы директором ДК каких только историй у меня не было с этими картинами — в годы "застоя" они приглянулись одному очень богатому человеку, и он долгое время подбивал меня на какие-то аферы, чтобы заполучить их себе; за время перестройки бандиты мне предлагали за них кучу долларов; один раз меня чуть ли не силой заставляли их снять и повесить на их место китч и жуткие картины соцреализма, т.к. это казалось модным по понятиям чиновников.

С этим весенним днем вошел в мою жизнь солнечный человек Г.Ф. Науменко. Никогда мы не слышали от Григория Филипповича каких-то скарбезностей, пошlostей или каких-то "грязных" слов (чем обычно грешит творческая богема) — от него веяло какой-то родительской теплотой и добрым участием. Даже когда он ушел с работы из объединения, многие радушно встречали его и с удовольствием общались, когда он приезжал в гости.

В преддверии важных официальных событий Григорий Филиппович вместе со своим коллегой-художником Володей работали практически день и ночь, но никогда из-под его руки не вышла какая-то халтура, и ни разу он никого не подвел. Никто из работавших после Г.Ф. Науменко так и не смог дотянуться до его уровня. А один из таких горе-художников на прощание с завистливой злостью мне сказал: "Ну, куда же мне до Вашего великого Григория Филипповича — он ведь у Вас солнце в окошке".

Да, наше "солнце в окошке" написало для нас и наших родных, друзей, знакомых громадное количество картин, и я никогда не забуду, как один из друзей, приняв от меня одну из них в дар, воскликнул: "Такой молодой, а так классно пишет картины!". Я не стала его разубеждать, потому что мы не раз между собой в ДК удивлялись, какой молодой энергией и доброй аурой дышит каждая картина Григория Филиппови-

ча. Как ни странно, ни одна из картин других художников не затронула так глубоко струны моей души и сердца, как те два полотна, находящиеся в фойе ДК.

Тяжело потерять друга, который бескорыстно поддерживал нас многие годы в горести и радости, поэтому хочется сказать — "Григорий Филиппович, мы свято чтим светлую память о Вас и никогда не забудем".

Куницына Татьяна Романовна, заслуженный работник культуры Московской области, зав. хоровым отделением Менделеевской школы искусств

Своим творчеством Григорий Филиппович завоевал сердца многих любителей искусства. Супруги Лукичёвы Любовь Ивановна и Александр Юльевич, а также их родственница Маргарита Ивановна Черкасова, делятся воспоминаниями:

Первая наша встреча с Григорием Филипповичем состоялась весной 1989г. возле Дома культуры в Зеленограде. Наше внимание привлекли тогда картины, которые он продавал. Его пейзажи (небольшого размера) притягивали наш взор каким-то теплом и радостью восприятия окружающей природы, реалистичностью. Ясно было, что так выражать свои впечатления может лишь человек с богатой душой. Завязалась беседа, ощущалось полное взаимопонимание. С этого дня мы посещали не только все его выставки, но с радостью бывали в его "мастерских", которые чаще размещались в училищах, Доме художника, где он вел кружок, и частично в его квартире. Он "открывал нам свою сокровищницу", в которой хранились этюды и завершённые картины. Особенно важно, что этюды он писал прямо на природе, и они зачастую воспринимаются как законченное произведение. Так, например, воспринимается этюд заката на реке (рис. 6.11) или этюд куста у лесной дорожки (рис. 4.16).

Очень яркое впечатление оставила у нас выставка его работ в начале 90-х, которая проводилась в кинотеатре "Комсомолец" у ст. Петровско-Разумовская. Потрясающий восторг вызвали его полотна большого формата "Березовая роща" (рис. 4.3-4) и зимний пейзаж с лесным ручейком в лучах заходящего солнца (рис. 2.1-2). Неописуемо естественное ощущение того, что ты сам в этой березовой роще и идешь по лесной тропинке. Каждая травинка и сучок, каждый березовый листочек и ствол напоены лучами солнца, проникающими сквозь листву, сквозь молодые зеленые липкие листочки. Разливается счастье, упоение и мир в душе от "теплых" березовых стволов, охваченных мягким солнечным светом. Кажется, что эта лесная тропинка непременно выведет тебя к поляне с разнотравием. В этой картине с необычайной реалистичностью показано "счастье молодого лета".

Все зимние пейзажи Науменко талантливы необыкновенно. Мы давно уже называем его "певцом русской зимы". И прежде всего это изображение снега. Его зимние пейзажи лесных полей, застывающих лесных речушек и ручейков завораживают. Его снег прекрасен, он настоящий, в него веришь! Снег пушистый и искрящийся в лучах солнца, снег тяжелый и с ледком, снег, окутывающий тонкие веточки кустарника или торчащую из земли былинку, снег, грузно сгибающий ветви сосны или ели — он родной снег русской зимы! Как надо любить, понимать родную природу, сколько талантов ума, сердца, рук необходимо, чтобы все вместить в себе и это выразить!

Пейзаж Г.Ф. Науменко, который сам он назвал "Речка стынет" (рис.2.3-4), раскрывает нам состояние природы, когда выпал первый снег на деревья и кусты вдоль застывающей реки, опустилось розовое солнце, и в закате перемещаются тревожные облака. Лишь легкая ледяная поволока прихватывает края речки, а её зеркальная середина еще сопротивляется первому морозу.

Всем знакомым с творчеством Науменко известен пейзаж (рис.2.5-6) с удаляющейся в зимнее лесное царство по-

возкой с человеком, лошадкой, уверенно уносящей своего "пассажира" вглубь леса. Снег пушистый, девственно чистый, нежно обнимающий все вокруг — деревья, кусты и придорожные коряги. И все это в отсвете восходящего солнца. Раннее утро. Сухой, бодрящий морозный воздух, он наполняет этот пейзаж. Нам известно, что Григорий Филиппович много раз копировал эту картину, однако он признавал, что эти копии все же отличались друг от друга.

Примечателен своим радостным настроением пейзаж домика в летнем лесу с курочками на переднем плане (рис.4.12). В струящихся солнечных лучах, пробивающихся сквозь деревья, видны летающие пылинки, а хвостики, перышки и гребешки курочек и петушка, клюющих на тропинке перед домом, пронизаны солнцем — прозрачны.

Картины Науменко Г.Ф. "Апрель", "Март" и "Ранняя весна" передают очень точно восприятие природы в этот период (на подборке рис. 3.8-11). Проталины, появляющиеся на свет Божий, прошлогодняя пожухлая листва, слегка затянутое и прохладное небо, "неодетые" деревья и кусты.

Милы и летние пейзажи с церквушками, речушками и солнечными "зайчиками". Хороши они именно тем, что их автор приглашает, "помещает" нас в этот мир безмятежности и душевного рая.

Осенние пейзажи также хороши! Например, пейзаж "Мцыри" (рис.1.12) в золотом убранстве. Или просто "Золотая осень" (рис.1.4) — торжество и богатство природы искусно передано художником.

Замечательная работа Г.Ф. Науменко, которая, как нам известно, была выпускной по окончании его обучения, — это пейзаж с автобусом (рис.1.5). На пейзаже природа сразу после дождя: тревожное небо, мокрая неширокая шоссе-ная дорога с уходящим старым автобусом. Вокруг — широкий простор, вдали лес. Казалось бы типичный пригородный сельский пейзаж, но как мастерски передано состояние природы после дождя!

Одна из последних выставок работ Г.Ф. Науменко в Выставочном зале "Зеленоград" (14 мкрн) очень порадовала нас не только новыми его картинами, но также тем, что талант его столь же ярок и неугасим. Восторг вызвала картина "Сентябрьский снег" (рис.1.2) с мокрым снегом на неопавшей золотой листве. С восхищением мы любовались натюрмортом с незатейливым букетом полевых цветов.

Несколько замечательных натюрмортов мы с удовольствием рассматривали в его "художественной кладовой" на Левом берегу. Многогранный талант!

Подводя итоги этой краткой экскурсии в воспоминания и впечатления о творчестве Науменко Г.Ф., нельзя не остановиться на самой личности художника. С самых первых минут нашего знакомства и навсегда для нас Григорий Филиппович не просто талантливый художник, он прекрасный светлый человек, открытый и скромный. Его чистое сердце, добрая душа раскрылись для нас воплощением родной природы в картинах и этюдах.

Светлая память о талантливом художнике и человеке Г.Ф. Науменко!

*Лукичева Л.И., д.э.н., профессор
Лукичев А.Ю. к.т.н., доцент
Черкасова М.И.*

Времена года

По мере возможностей я попытался собрать сюжеты картин деда, но, наверняка, число "расползшихся" по заказчикам картин еще больше. Да и условия фотосъемки порою оставляли желать лучшего, иногда цвета на фото приходилось дополнительно редактировать (такие рисунки помечены звёздочкой *).

Дед не стремился передавать детали пейзажей, он всегда пренебрежительно отзывался о тех картинах-фотографиях, которыми некоторые художники торговали в Измайловском парке. Действительно, фигурки людей и животных очень часто у него нарисованы схематично. Стало быть, идеология его творчества не сводилась просто к копированию природы "как она есть", а состояла в передаче того эмоционального фона, который создает у зрителя изображенный сюжет. Ключевую роль в этом играет колорит, и здесь, по-видимому, нет равных Григорию Филипповичу. Кажется, подобную мысль пытался внушить критикам среди слушателей великий Бетховен, когда на полях партитуры Пасторальной симфонии написал предостережение о натуралистичности понимания своего шедевра.

Осень

На рис. 1.1. очень хорошо передан туман, стелящийся по сырой траве уходящего лета. Этюд написан в далекие 50-60-е гг. в окрестностях канала им. Москвы за деревней Лобаново, сейчас здесь через дачи проходит дорога на Водники. По воспоминаниям Лахонина А.Н., именно с него началось его знакомство с творчеством деда, со слов Мастера: "Туман, летний вечер, сумерки... что может быть лучше для художника?". Картина рис. 1.2. называется "Сентябрьский снег" и была представлена на зеленоградской выставке "Наш город" в 2003г. — чувствуется бодрость вне-

запно наступившего похолодания. Рис. 1.3. вновь нас возвращает в "бабье" лето, лишь по верхушкам деревьев озаренного солнцем берега догадываемся о наступающей осени. Всякому, кто прогуливался вдоль изгибов канала им. Москвы, знакома подобная светотеневая композиция, — на самом деле изображена речка Черная возле стекольного завода, впадающая в р. Сходня). Рис.1.4., к сожалению, не очень получившийся на фото, передает домашнее настроение какого-нибудь подлеса, куда в послеобеденное время выбрался горожанин — удачно дано сочетание желтого и зеленого цветов, характерных для октября. Настоящая болдинская осень, воспетая Пушкиным! Такую осень можно было увидеть в 1995г. в березовой роще близ Клуба Художников.

Картина рис.1.5. была дипломной работой Григория Филипповича и, как я предполагаю или даже домысливаю, изображает автобус №368 по дороге от Левого берега на Долгопрудный (р-н дер. Гнилуши) в 60-е гг. Картина хорошо передает хмурое настроение дождливого ноября, и все-таки сочетание красок автобуса и деревьев справа придает этому настроению теплый оттенок. На рис.1.6. пруд, наоборот, отражает прохладу ветра уходящей осени; в особенности символична линия листьев на пруду. Так художник увидел пейзаж возле усадьбы "Середниково" (пл. Фирсановка). Столь же уныла картина рис. 1.7. — осенняя распутица, голые столбы тянущейся за горизонт линии электропередач и летящие на зимовку черные птицы. Рис. 1.8. принадлежит в равной степени как зиме, так и осени. Угадывается ветер, сдувший к ногам зрителя листья и ветки, и колеблющий верхушки деревьев слева.

На рис. 1.9. показана, вероятно, ранняя весна — солнце, будучи еще заслонено лесом слева, освещает зеленеющие кусты справа. Впрочем, осенняя трава сохранилась под сошедшим снегом, что дает основание отнести сюжет к поздней осени (оригинал картины находится в комнате

бухгалтерии Колледжа). В любом случае картина создает некоторый подъем настроения. На рис.1.10. и рис.1.11. показано все многообразие конца сентября — начала октября, ассоциирующееся с "бабьим летом". Картина рис. 1.12 приглашает нас посетить санаторий "Мцыри", где дед однажды отдыхал. Ощущается впечатление уюта, несмотря на явные признаки поздней осени; стоит прохладная погода, что подчеркивается темными стволами деревьев.



Рис. 1.1 (сверху) и Рис.1.2. (снизу)





*Рис. 1.3 (сверху, см. также рис. 0.18) и Рис.1.4. (снизу, *)*





*Рис. 1.5 (сверху) и Рис.1.6. (снизу, *)*





Рис. 1.7 (сверху) и Рис.1.8. (снизу)





Рис. 1.9 (сверху) и Рис.1.10. (снизу)





Рис. 1.11 (сверху) и Рис.1.12. (снизу)



Зима

По общему мнению, наиболее великолепными получались у деда зимы. Сюжет с закатными, окрашивающими природу в багрянец, лучами солнца, просвечивающими сквозь деревья, повторялся им несколько раз в разных вариациях. Морозные зимы сейчас, в годы потепления климата, редкость, и тем ценнее схваченный художником сюжет. Рис. 2.1. реконструирован по фото, которое использовалось многократно дедом для работы. По свидетельству А. Лахонина, только в последние три года деду приходилось прибегать к школярскому приему начертания сетки, раньше же — память и глазомер удерживали все детали будущей картины. Сюжет рис. 2.1. повторен на картине 2.2., но там краски и менее вычурные, и более натуральные, и за счет упрощения колорита достигается эффект естественности — именно так и бывает в природе!

Один и тот же сюжет "Речка стынет" изображен на парных рис. 2.3. и 2.4., причем первоначальному замыслу художника соответствует вторая картина. Если рис. 2.3. полон холодной мрачности уходящего дня, то на рис. 2.4. эта мрачность мягкая, как бы более оптимистическая. Парные рис. 2.5-6 показывают нам природу в состоянии "русского" мороза, когда деревья покрыты инеем. Что касается лошадки с крестьянкой, то дед ее пририсовал ее, вероятно, по просьбе друзей или заказчиков. И вновь особенности освещения сказываются причудливым образом: если фотография 2.5. дает более холодный колорит, то картина 2.6. выдержана в теплых и дружественных тонах.

Приблизительно такое же морозное состояние природы характерно для картин рис. 2.7. и 2.8. Если на первой волшебным образом играет воздух и легкое полуденное небо, и есть что-то умиротворяющее в этой картине, то на второй ледяное безмолвие оживляется тенями справа и спереди. К со-

жалению, фото рис.2.9. и рис.2.10. плохого качества. Закатный зимний вечер на реке может быть различным. Солнце угадывается за деревьями (рис.2.10), одевая их в багрянец, и придает небу желтоватый цвет, едва замерзшая речка оживляет композицию. Рис.2.9. более оптимистичен, несмотря на резкость теней деревьев справа; кажется, рыбак еще не оставил надежды поймать что-то и принести улов в свой дом неподалеку.

Сходные мотивы характерны для рис.2.11 и 2.12. Здесь на передний план выступает образ ели, ветви которой нагружены тяжелым и влажным снегом. Если второй сюжет лишь проба пера, полуэтиюд, в который ненароком забрело животное-олень, то на первой картине — деревья, деревья, деревья и луч света... Картина рис. 2.13. более интересна, поскольку зима показана пасмурной и романтически траурной. Небо окрашено уже не в желтые, а в грязно-желтые тона умирающего дня. Суровость сюжета подчеркивается черными стволами деревьев справа, вынесенных на передний план. Лирический мотив присутствует через сельские домики на заднем плане, телегу и стаю ворон. Рис. 2.14. возвращает нас к сюжетам 2.7-8 с их ледяным безмолвием.

Несколько иной оттенок настроения присутствует на рис. 2.15. и 2.16., где в ткань художественного повествования включены люди. Послеполуденное время отражено на рис. 2.15. — впрочем, это эффект освещения картины, которая смотрится совсем иначе при более ярком свете. Предполагаю, что фигурка в красном свитере, — это моя мать, а в желтом — отец; итак, лыжники возвращаются домой. На рис. 2.16. я представляю местность около филиала б-ки им. Ленина и бывшего совхоза на Левом берегу; рабочее настроение передано спешащим куда-то (быть может, на обед) человечком и вертикально смотрящими стволами деревьев. Той же цели подчинен сарай на заднем плане. Эту картину художник в действительности

сделал с этюда, написанного около пл. Левобережная до 70-х гг., когда там стояли сараи и пивные ларьки, а вдоль канала вокруг дач цвели сады...

На рис. 2.17. и 2.18. представлены полуэтюды 60-х гг., находящихся сейчас в Краеведческом музее Зеленограда. Сельский пейзаж передает оптимизм солнечного дня. Рис. 2.17: девочка ждет, вероятно, свою мать. Этот этюд дед писал прямо из окна деревянного здания средней школы в Крюково. Рис. 2.18: мостик, удачно оттененный деревьями, как бы приглашает нас проехать по нему.



Рис. 2.1 (сверху) и Рис.2.2 (снизу)





Рис. 2.3 (сверху) и Рис.2.4 (снизу)





*Рис. 2.5 (сверху) и Рис.2.6 (снизу, *)*





*Рис. 2.7 (сверху, *) и Рис.2.8 (снизу)*





Рис. 2.9 (сверху) и Рис.2.10 (снизу, см. также рис. 0.19)





Рис.2.11 (сверху) и Рис.2.12 (снизу)





Рис.2.13 (сверху) и Рис.2.14 (снизу)





Рис.2.15 (сверху) и Рис.2.16 (снизу)





Рис.2.17 (сверху) и Рис.2.18 (снизу)



Весна

Зимние мотивы чувствуются и тогда, когда Григорий Филиппович изображал весну. Весеннее половодье всегда влекло художника. В таком состоянии природы больше полутонов и мягких переходов, чего так редко можно встретить на выставках.

На этюдах 3.1. и 3.2 дед, предположительно, изобразил природу Зеленограда (70-е гг., возле МИЭТа). Только он мог бы точно сказать, зима или весна показана. В отношении этих сюжетов, однако, воспроизведу свои личные ассоциации: путники спешат перейти канал им. Москвы, отделяющий Химки и Левый берег, пока подтаял лед (рис.3.1.); вид на три дома ул. Совхозной с полей совхоза (рис.3.2.). Незамысловатый этюд 3.3. обращен к образу подступившей весенней распутицы в деревне. На рис. 3.4 ель (справа) приветливо улыбается своими ветками весне, не обращая внимания на оголенный хмурый лес сзади (место между МИЭТ и 8-м мкрном).

На этюде 3.5. изображено уже половодье, скамейка сиротливо стоит среди растопленного снега, льда и воды (8-й мкрн. Зеленограда). Картина рис. 3.6., очевидно, написана на основе предыдущего этюда, пасмурный её образ связан с особенностями фотоосвещения. Она превосходно показывает, что можно сделать из хорошего этюда. Быть может, помогла память художника, удержавшая реалистичный образ пробивающегося сквозь облачность утреннего солнца.

Вот на рис. 3.7. показано, как весеннее солнце, которого не видно ввиду его ослепительности, растапливает снег, и ручей стремительно бежит вниз (обратите внимание на различный цвет воды, меняющийся от зеленоватого до темного). Удивительно точно посредством летящего снега передана ветренность погоды. Изображен вид 50-60-х гг. со старого моста на Панфиловском проспекте. Пробуждение природы и слегка дымчатая теплота воздуха свойственны

картине 3.8. "Ранняя весна". Той же идее подчинена картина рис. 3.9. "Март" — здесь вставшее высоко солнце очерчивает резкими тенями пока еще оголенную растительность, но одновременно снег предупреждает об еще прохладной погоде. Полотно под названием "Апрель" (рис.3.10) сохраняет романтический ореол светлого будущего над расцветающей зеленью.

Рис. 3.11. создает у зрителя радостное предчувствие теплых дней, природа уже переболела зимой. На рис. 3.12. изображен апрель месяц, когда уже достаточно молодой зелени, и ветер наносит рябь на поверхность пруда, предупреждая нас о переменчивости погоды. Картина так и называется — "Первая зелень" (у сходненского стекольного завода). Этот мостик находится по дороге Сходня — Ленинградское шоссе, сейчас рядом с ним — гаражи и автозаправка. По свидетельству Лахонина А.Н., дед писал данное место в разные времена года.

Рис. 3.13, где изображено состояние природы, как кажется, перед майским дождем, представляет собой вид со стороны пос. Алабушево на 16-й мкрн. Зеленограда. Рис. 3.14. показывает нам непритязательную грибницу после майского дождя — обратите внимание на цвет земли (на реалистичность сюжета указал мне Калгашкин А.С.).



*Рис. 3.1 (сверху, *) и Рис. 3.2 (снизу)*





Рис. 3.3 (сверху) и Рис. 3.4 (снизу)





*Рис. 3.5 (сверху) и Рис. 3.6 (снизу, *)*





Рис. 3.7 (сверху) и Рис. 3.8 (снизу)





Рис. 3.9 (сверху) и Рис. 3.10 (снизу)



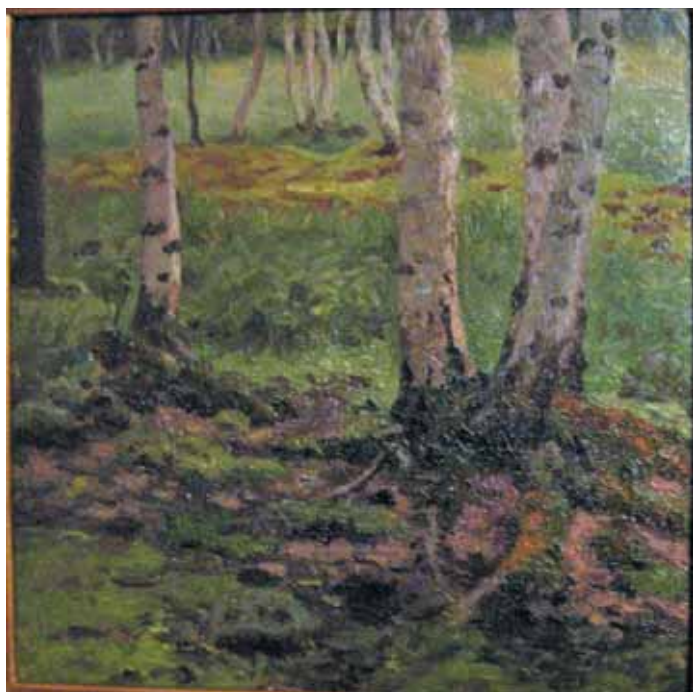


Рис. 3.11 (сверху) и Рис. 3.12 (снизу)





Рис. 3.13 (сверху) и Рис. 3.14 (снизу)



Лето

Летних пейзажей скопилось больше всего, что неудивительно, поскольку гулять в это время наиболее приятно.

На рис. 4.1. "Грибник в лесу" воздух захвачен светом, а небольшая полянка, куда попал грибник, контрастирует с лесным буреломом (к сожалению, картина повреждена каким-то масляным налетом). Похожий прием использован на рис.4.2; центр картины светлый, а края темные. Один сюжет "Березовая роща" и две картины показаны на рис.4.3. и рис.4.4. Но если на первом полотне краски веселые, то от второй картины впечатление более спокойное и строгое. Рис.4.5. очень точно передает сцену скорой грозы — набрякшие тучи, закрывшее все небо, и на просвете еще освещенную траву. На рис. 4.6. дождь уже случился, уже намочил дорогу (на Долгопрудный, конец 60-х гг.); чрезмерная суровость леса справа смягчена луговыми цветами у обочины дороги слева.

Рис. 4.7. и рис 4.8. реконструированы по рабочим фотографиям. Первая подражает шишкинскому лесу (дед очень любил этого художника). Вторая передает чередование света и тени, которое часто происходит при прогулке по небольшому лесочку. Алексей Николаевич вспоминает: "В далекие 70-е гг. мы вместе с Григорием Филипповичем поехали на ракете от Речного вокзала на Тишковское водохранилище до ост. "Солнечная поляна". Я, как и мой спутник, взял с собой этюдник... На самом деле тропинка уходила от нас влево, но композиционно выгодным оказалось направить её слева направо по центру — так мы решили однозначно". Рис. 4.9. и рис. 4.10. являются вариациями на тему водоема в летний день (точнее — речка Клязьма в окрестностях Менделеево). Пасторальное впечатление слегка смазывается на фото недостаточным освещением.

Куда интереснее фото на рис. 4.11. Романтика утреннего березового подлеска передана замечательно, сразу "бьет в глаза". Игра воздуха и света, яркое световое пятно в цен-

тре, сарай слева — все служит для этого средствами. Можно почти безошибочно сказать, что наступило 10-11 часов дня. Утренняя бодрость разлита и на картине рис.4.12. Свет окутывает сельский домик, березки стоят прямо-прямо, а курочки придают мирный и пасторальный оттенок состоянию природы. На рис. 4.13. еще раз показан оптимизм березовой рощи — угадывается, что недавно прошел дождик, и луч света, причудливо освещающий березы, свидетельствует об оживлении природы. Алексей Николаевич вспоминает об этих работах: "Меня, совсем мальчишку, в 70-е гг. Григорий Филиппович взял на этюды. Мы недолго шли после грозы вдоль канала в сторону г. Долгопрудный. Нас заинтересовала эта мокрая дорога, идущая к горизонту и упирающаяся в грозовые облака... Этюд "Утро в березовой роще" художник писал рядом с дорогой, идущей во 2-й мкрн. от Панфиловского проспекта возле ост. "Березовая аллея". По иронии судьбы здесь рядом кафе, в котором мы все провожали в день похорон в последний путь Григория Филипповича". Чуть более сонливое настроение у рис.4.14. Восходящее солнце, видимое оранжевым шаром из-за деревьев, добавляет сюжету пикантность и бодрость.

Надеюсь, что рис. 4.15 кому-то напомнит его дачный участок с нехитрыми хибарами на нем. Не лишен очарования одинокий, но пышный кустик у дороги (рис.4.16.). Восхитительна стройная, по-женски русская березка, нежащаяся в солнечных объятиях — такова тема рис.4.17. Совсем иное настроение у рис. 4.18, где темные верхушки деревьев, отражаясь в воде, выглядят суровыми на фоне облачного неба. Кажется, это болото возле либо Черного озера, либо в районе пл. Малино.

Картину рис. 4.19., которую я впервые увидел лишь в процессе подготовки этой книги (картина находится где-то в бухгалтерии Исторического музея), суть запечатленный факт моей биографии. Трудно передать возникающее

от картины светлое мироощущение словами. Май месяц, еще холодновато, детский дворик в прилеске возле пл. Левобережная (конец 70-х гг.), бабушка стоит возле внука, который кормит белку. Да-да, я узнаю свой давнишний красный капюшон, и у бабушки была именно такая синяя одежда, и даже белка та самая, что вскочила когда-то на меня... Забавно, что в действительности дед использовал этюд, нарисованный с натуры в одном из Зеленоградских парков. В сущности не так важно, кто именно изображен, а важно, что если художник и в состоянии отобразить состояние семейного счастья, к которому стремятся все люди, то только так или примерно так, как это сделал дед, это и возможно.

Рис. 4.20 красив, но несколько идеален — впрочем, деду виднее, может ли небо быть окрашено в три разных цвета сразу? Рис. 4.21 возвращает нас к пасмурным дням и грязи на дорогах. Светлое настроение полдня присуще рис. 4.22, где изображен сельский пейзаж.

Этюд 4.23 показывает нам знойный день в те годы, когда в водоемах еще можно было безвредно удить рыбу. Голубизна неба и полураздетые фигурки людей усиливают впечатление наступившего полуденного зноя. Изображен зеленоградский пруд за МИЭТом. Этюд 4.24 продолжает эту тему, но в речном масштабе. На рис. 4.25 изображен морской вид близ г.Туапсе (70-е гг.). Точно подмечено, что вода вдали от берега имеет иной цвет, чем в прибрежной полосе. Однажды в творческом порыве дед нарисовал подобный вид на стенах ванной в нашей квартире. На рис. 4.26 с "водной" природой соседствует белый город. Так оценивает эти два этюда Лахонин А.Н.: "Показан 9-й мкрн. в начале 60-х гг. возле станции Крюково. Великолепный этюд в традициях русской реалистической живописи, демонстрировался неоднократно на персональных выставках (4.24.)... Снова Зеленоградский пруд у здания префектуры и чуть позади МИЭта. Это место любят многие художни-

ки, а я вместе с учениками Художественной школы №9 много раз проводил там зарисовки (4.26)".

Наконец рис. 4.27 посвящен полевым цветам. Слегка утомленное жарой состояние природы после прошедшего дождя и присутствие цивилизации в виде иглы Останкинской телебашни да Кольцевой автодороги (сейчас телебашню не разглядишь с Левого берега из-за новостроек, но в 70-е гг. это было возможным).



Рис. 4.1 (сверху) и Рис. 4.2 (снизу)





Рис. 4.3 (сверху) и Рис. 4.4 (снизу)





Рис. 4.5 (сверху) и Рис. 4.6 (снизу)





Рис. 4.7 (сверху) и Рис. 4.8 (снизу)





Рис. 4.9 (сверху) и Рис. 4.10 (снизу)





Рис. 4.11 (сверху) и Рис. 4.12 (снизу)





Рис. 4.13 (сверху) и Рис. 4.14 (снизу)





Рис. 4.15 (сверху) и Рис. 4.16 (снизу)





Рис. 4.17 (сверху) и Рис. 4.18 (снизу)





Рис. 4.19 (сверху) и Рис. 4.20 (снизу)





Рис. 4.21 (сверху) и Рис. 4.22 (снизу)





Рис. 4.23 (сверху) и Рис. 4.24 (снизу)





Рис. 4.25 (сверху) и Рис. 4.26 (снизу)





Рис. 4.27

Цветы

Помимо пейзажей Григорий Филиппович любил рисовать и натюрморты. Помню, например, что в его мастерской в учебных целях хранилась пара искусственных яблок и груш, неотличимых от настоящих. В натюрморте красота сама говорит с собой, поэтому мои комментарии будут только излишними.



Рис. 5.1.



Рис. 5.2 (сверху) и Рис. 5.3 (снизу)





Рис. 5.4 (сверху) и Рис. 5.5 (снизу)





Рис. 5.6 (сверху) и Рис. 5.7 (снизу)



Разное

Каждая из представленных здесь картин по-своему примечательна. Для большинства из них характерно, что для восприятия существенен не только пейзаж, но и изображенные в нем здания и люди.

Рис. 6.1. говорит нам о светлых началах, содержащихся в православной культуре, что подчеркивается голубизной неба и воды, яркостью зелени, строгостью остроконечных черт церквей и деревьев. Изображен храм Рождества Богородицы в селе Поярково (близ пос. Лунево, 80-е гг). Но безрадостность зимнего пейзажа (рис.6.2.) напоминает о конечности нашего существования, весьма символичен столб в виде креста (думаю, однако, что дед случайно изобразил столб таким).

Рис. 6.3. нравится очень многим; свет из домика вызывает сентиментальные чувства, а ночная луна усиливает романтическое настроение. Тот же мотив прослеживается и на рис. 6.4., особенно завораживает вода с лунным следом. Костер на берегу скрашивает одиночество покинутой лодки.

Картина рис. 6.5. находится в кабинете завуча Колледжа и изображает ул. Библиотечную такой, какой она была в нач. 80-х гг. Левобереженец еще узнает общежитие, а вот рядом стоящий книжный магазин (ныне маг. "Кооператор") — едва ли. На рис. 6.6. изображен клуб МГИК того времени. Если предыдущая картина, если рассматривать ее при большей освещенности, способна вызвать светлую грусть, то здесь темное облако в верхнем правом углу оставляет тревожное ощущение.

Рис. 6.7. и рис. 6.8. посвящены природе окрестностей Зеленограда 70-х или даже 60-х гг. На первом сочетании домов образует как бы лицо диковинного человечка, смотрящего печально-недоуменно на разлившуюся воду — кажется, там болото (сейчас на этом месте вещевого рынок у ст. Крюково). Свет, пробивающийся из-за покрова облачнос-

ти, создает у зрителя умиротворенное ощущение. Покосившийся забор на рис. 6.8. наоборот придает оттенок грусти казалось бы оптимистичному сюжету зимнего дня.

Рис. 6.9. показывает нам трудовые будни Зеленограда 80-х гг. Вероятно, пенсионерки спешат поздним утром в продуктовый магазин, а автомобильных пробок тогда не было. Можно назвать эту картину "Городская пастораль". А вот рис.6.10 весьма похож на сельскую пастораль, а церковный мотив лишь усиливает впечатление благодати.

Рис. 6.11. и 6.12. парные, и мы опять видим, как может влиять освещение и частные особенности красок художника. Летний вечер возвращает нас к природе, здесь более всего играет закатное небо (возле дер. Гнилуши). В первой картине чувствуется ощущение усталости, стремление к покою, а во второй — ощущается враждебность. Кажется, на этюде 6.13. художник пытался изобразить себя за работой. Что ж, бодрое утреннее настроение обещает, что этюд будет хорошим!

У меня не получились фотографии трех этюдов, и я смонтировал из них коллаж рис.6.14. Картина слева, на мой взгляд, гениальна! На три четверти ее площади крупным планом дано поле с какими-то цветами и корягами, но суть картины сосредоточена в небе, которое выписано потрясающе. Узкая полоса фиолетово-красного света создает необычное впечатление. Другой сюжет изображен справа внизу: тяжелое осеннее небо, дорога и лужи и еще раз лужи. Да, лужи тоже нужно уметь писать! Что касается третьего сюжета, то он не так любопытен. Весенняя распутица созерцается черной фигуркой, но солирует опять небо и неожиданно синяя поверхность воды.



Рис. 6.1 (сверху) и Рис. 6.2 (снизу)





*Рис. 6.3 (сверху, *) и Рис. 6.4 (снизу, *)*





Рис. 6.5 (сверху) и Рис. 6.6 (снизу)





Рис. 6.7 (сверху) и Рис. 6.8 (снизу)





Рис. 6.9 (сверху) и Рис. 6.10 (снизу)





*Рис. 6.11 (сверху) и Рис. 6.12 (снизу, *)*





Рис. 6.13 (сверху) и Рис. 6.14 (снизу)



Приложения

Воспоминания В.А. Чауменко

Мы очень были близки духовно и всегда делились друг с другом, делились всем, что было на душе, очень дорожили дружбой. Можно сомневаться, что так не бывает между мужчиной и женщиной, но это факт. А какие радостные были встречи — как в детстве, так и в молодые годы, а мы сейчас очень переживали, что не можем увидеться: так сложилась жизнь, что за 30 лет только переписка и телефонные звонки.



Родился он в крестьянской семье 12 января 1924 года в селе Козьмодемьяновка Тамбовского района Амурской области (там же родилась и я, только в 1925 году и в этой же семье). Гриша в семье, где было 5 сыновей и 5 дочерей, был последним ребёнком. Разница между сёстрами и братьями старшими огромная. Мой отец Александр родился на 20 лет раньше Гриши, в 1904г. Семья была большая, но очень дружная. Старшие относились к нам, маленьким детям, заботливо и трепетно, нас учили тому же. В начале 30-х годов старшие стали заводить свои семьи и отделяться от отцовского дома. Первым отделился мой отец, и в 1930 году мы уехали на север Амурской области на станцию "Большой Невер".

В конце XIX-го века шло активное переселение крестьян из центральной части России на Дальний Восток. Давали крестьянам огромные земельные наделы и льготы для освоения нового места. Гришины родители приехали на Амурскую землю по переселению в 1900 г. с Полтавской губернии (Украина). Отец — Филипп Никонович из села Литовка родился в 1877 году (в 1937 году расстрелян как враг народа, в 1979 году реабилитирован). Мать — Надежда

Матвеевна Науменко (в девичестве Патлай) — уроженка Украины из села Бахмач Житомирской области. Они поселились в селе Козьмодемьяновка на берегу реки Гильчин Тамбовского района.

Отец Гриши, мой дед, молодым не боялся никакой работы. Он был и грузчиком на пристани, и ходил матросом на пароходе по реке Амур, и работал на лесозаготовках, заготавливая лес для стройки, строил людям дома, потом построил и себе дом и слесарную мастерскую.

Дед Филипп Никонович был образованный талантливый человек, он изучал труды Карла Маркса, хорошо рисовал, любил играть в шахматы, учил играть в них своих детей и играл с ними по очереди. Дед Филипп интересовался жизнью страны. Он не был фактически коммунистом, но его считали таковым, сельчане шли к нему за советом, выбирали его на съезды районные и областные и любовно называли его Батей. Он дважды избирался председателем сельского совета. Во время революции дед Филипп взял сторону Советов, ему приходилось во время Зазейского восстания в 1924 г. скрываться от белогвардейцев и японцев.

В доме Науменко всегда царил порядок, никто не пил и не курил. Все дети имели свои задания, поэтому в этой большой семье был достаток, все работали. Семья жила тем, что выращивали и производили, одно время у деда Филиппа была пимокатка, делали валенки, потом дед завёл квасной завод, продавали квас, держали пчёл, имелся свой мёд, выращивали овощи. Бабушка Надежда Матвеевна вела домашнее хозяйство, будучи малограмотной, но умной женщиной.

В 30-е годы в стране начались раскулачивание и аресты. У Филиппа Никоновича отобрали дом, хозяйство и выслали с семьёй на север области в село Мазаново. Старшие дети к этому времени разъехались кто куда. Осталась только старшая дочь Прасковья с 4-мя детьми, Семён и Гриша,

ления, пошёл рабочим на конфетную фабрику. Там он успешно участвовал в драмкружке местного клуба. В 1942 году его призвали в армию. Служил на Дальнем Востоке в г. Шимоновске, затем принимал участие в войне с Японией. После войны Гриша вместе с братом Семёном окончили курсы на прораба и работали на стройке. Жили в Благовещенске у брата Василия вместе с матерью.

Затем Гриша поступил в Биробиджанское педучилище на художественное отделение и продолжил учебу. Там он познакомился с Лидией Дмитриевной, они поженились и уехали в Химки.

Из письма деда к его племяннице, Валентине Александровне (от 18.01.2007)

Давно получил письмо, посылку. От всей души благодарю тебя. Вместе с тем прошу тебя больше этого не делать. Я понимаю твоё желание отблагодарить меня за мою скромную помощь, которую я тебе оказываю. Но ты должна понять, что у тебя нет тех возможностей, которые есть у меня сейчас. Понравился свитер. Ну и всё остальное. У меня пока более или менее жизнь идёт спокойно...

В последнее время, Валя, у меня возникают мысли, воспоминания о прожитых годах, родственниках, о взаимоотношениях в семье и т.д. Не знаю, прав я или нет. Но у меня сложилось такое мнение, что семья у нас была хорошая — я имею в виду семью отца... Было пять мальчиков и пять девочек. Девочки умерли, если не ошибаюсь, где-то около 10 лет и семнадцати. Все прожили честно. Имели авторитет на работе. Пользовались уважением окружающих. Судьба разбросала по жизни так, что некоторых не видел годами и даже десятилетиями. И не знаю, кто и когда ушёл на тот свет...

И что особенно важно, что ты сыграла большую роль в моей жизни. Я никогда не забуду, как в 1937 году я оказал-

ся в Благовещенске у твоего отца... Когда ты узнала суть дела, то предложила моей матери, чтобы я уехал с тобой к твоему отцу в Благовещенск. А отсюда вся моя жизнь в отличие от других моих родных пошла по другому пути...

В последнее время никуда не езжу. В Москве уже года 2 не был. Выставки сейчас такие, что смотреть тошно. Не знаю, показывает у вас канал "Культура". Там такие "шедевры" показывают, что только удивляешься, как такое можно предлагать людям...

Мне трудно в письме изложить все жизненные ситуации, которые у меня были. Ты пойми, что жизнь у меня сложилась не из легких, были и моральные, и физические трудности. Мне здорово помог твой отец, и я очень ему благодарен. Помогла твоя мать. Я благодарен тебе: у нас были хорошие душевные отношения. Я благодарен Василию, который принял меня после армии. К вам я не хотел потому, что знал, сколько отец и мать вынесли на своих плечах, помогая родственникам (я не перечисляю их имена), ты их знаешь. Но и потом, когда я жил в Химках, всё держалось на мне. Я и сейчас удивляюсь, как мог давать 15 уроков в день, учась в институте. Всё, чего я достиг, это только благодаря большому труду. Не знаю, поймёшь ли ты мою исповедь. Это не для письма.

Выставки

Кроме смешанных выставок, пятнадцать зеленоградских живописцев и графиков смогли организовать в нашем зале свои персональные выставки, а некоторые из них показали свои работы дважды. И здесь хочется с любовью и восхищением сказать несколько слов о старейшем зеленоградском художнике, члене объединения "Клуб художников Зеленограда" Григории Филипповиче Науменко. Художник от Бога, он ни на один день не выпускает из руки кисть, чувствует и видит мир как юноша!

Из буклета "Выставочный зал Зеленоград" (1994-2004)

Выставочный зал "Зеленоград" принял у себя четыре персональных выставки Г.Ф. Науменко:

- I. 23.08.1995 – 22.09.1995,
- II. 24.02.1999 – 26.03.1999,
- III. 18.03.2003 – 18.04.2003,
- IV. 01.03.2005 – 20.03.2005.

Из последних общих:

в 2005г. — выставка объединения "Клуб художников Зеленограда", посвященная 60-летию Победы, в 2006г. — выставка объединения "Клуб художников Зеленограда", в 2007г. — выставка объединения "Клуб художников Зеленограда", посвященная 20-ю объединения и 40-летию первой городской художественной выставки (см. фото ниже).

Особый характер имела персональная выставка 2005-го года, почти приуроченная к 80-летию деда, на ко-



торой были представлены 62 этюда и 37 картин, т.е. сотня работ.

Вот оригинальные названия некоторых работ:

Этюды: "Дорога из Льялово в Менделеево" (70-е гг.), "Вид из окна культпросветучилища на Левобережной" (60-е гг.), "Лесопарковая зона 14-го м/р-на" (90-е гг.)...

Картины: "Солнце садится", "Натюрморт с флоксами", "Гроза надвигается", "Поселок Крюково в 60-е годы (сейчас 8-й м/р-н)", "Зима. Серый день"...

Эпитафия

*Все было в нем -
Душа, талант и доброта.
И скрылось все от нас,
Как светлая мечта.*

*Художник, человек,
Он в простоте сердечной
Талантом сочетал
Земную славу с вечной.*

